

Вышли мы все из народа,
Дети семьи трудовой.

«Братский союз и свобода» —
Вот наш девиз боевой!

Рисунок В. КОНОВАЛОВА.

КРОКОДИЛ

МОСКВА ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

30

30 октября
(1500)

1957

ГОД ИЗДАНИЯ 36-й

ЦЕНА НОМЕРА 1 р. 20 к.

Сорок лет

Временем можно распоряжаться по-разному — кто как хочет и кто как умеет. Было время — по сорок лет строили соборы и по сто лет воевали.

Советские люди за сорок лет заставили реки течь вспять и создали в степях моря. Мы не удивляемся тому, что наши летники завтракают во Внукове, а обедают в Нью-Йорке. Не удивимся мы и тому, что через некоторое, совсем небольшое время обгоним полосато-звездную заокеанскую державу по потреблению молока, масла и мяса.

Мы не удивляемся тому, что в Киеве возник новый Крещатик, восстал из пепла Сталинград, Минск стал лучше прежнего, с полей, где зияли воронки, собирается невиданный урожай. Это само собой разумеется, этому следовало быть.

А ведь было время, когда некоторые не в меру кичливые господа нас даже не замечали. Они просто вычеркнули из учебников географии одну шестую мира. Была такая страна Россия — и не стало. Вместо нее на их картах появилось белое пятно.

Но новая, советская Россия существовала, мужала и крепла. Тогда одни признали нашу страну де-факто, но не признавали де-юре, а другие еще долго гадали, признать или не признать. На деле это гадание выглядело далеко не идиллически. Даже признавая нас, они одновременно признавали необходимым засылать к нам шпионов и диверсантов.

Слепота — это такая болезнь, когда человек не способен ориентироваться в окружающей обстановке и не может отличить светлое от темного. Сколько их, этих государственных мужей за рубежом, страдающих подобным недугом хронически!

Они смеялись над планом ГОЭЛРО:

— Бред!

Они хихикали над планами первых пятилеток:

— Провалятся!

Мы говорили, что посадили мужика на трактор. Они издевались:

— Вранье!

Сколько чепухи и наглой лжи наговорили они по нашему адресу! Газеты писали:

«На каких глупцов рассчитывают большевики, распространяя небывлицы о достижении ими Северного полюса на аэропланах и посадке своих людей на дрейфующий лед?»

А потом переменяли пластинку:

«Ведь это безумие — оставить на год четырех человек с минимальным запасом пищи: всего лишь одна собака. Ее хватит на неделю, а дальше что? Чем они будут кормиться? Они съедят друг друга...»

Они измывались над нами и всякий раз попадали впросак. И самое смешное, за сорок лет они так и не поумнели. Одна треть человечества живет сейчас свободной жизнью. Озаренные светом Октября, пробудились миллионы и миллионы колониальных народов. А империалистические слепцы не хотят этого замечать!

— Что за новое красное пятно появилось на картах Азии? Народный Китай?! Вычеркнуть! Не признавать!

Совсем недавно не в поднебесье (что там!), а в самое занебесье запустили большевики нового сотоварища Земли, и он летает там по точнейшему расписанию. Названия городов и стран мелькают под ним, как полустанки.

Восхищен весь мир. Только из одной подворотни рывкнул адмиральский бас:

— Подумаешь! Кусок железа...

Простой народ земного шара видит в нашей стране маяк, который освещает дорогу всем, желающим жить свободно.

Советы, Товарищ, Пятилетка, Колхоз — эти слова стали интернациональными, их не только знают, они близки и дороги всем честным людям.

А сейчас еще одно слово стало понятным народам всего мира — Спутник!

Сорок лет — короткий век. Мы много сделали, но еще больше предстоит нам впереди.

Мы отлично понимаем, что в нежной любви враги нам признаваться не будут. А они ведут себя уж совсем странно. Продолжают думать, будто живут в каменном веке, где главным аргументом в борьбе за чужую пещеру была плохо отесанная дубинка. Воинственные господа размахивают атомной дубинкой, имея в виду прихватить чужой канал, чужую нефть, чужой остров.

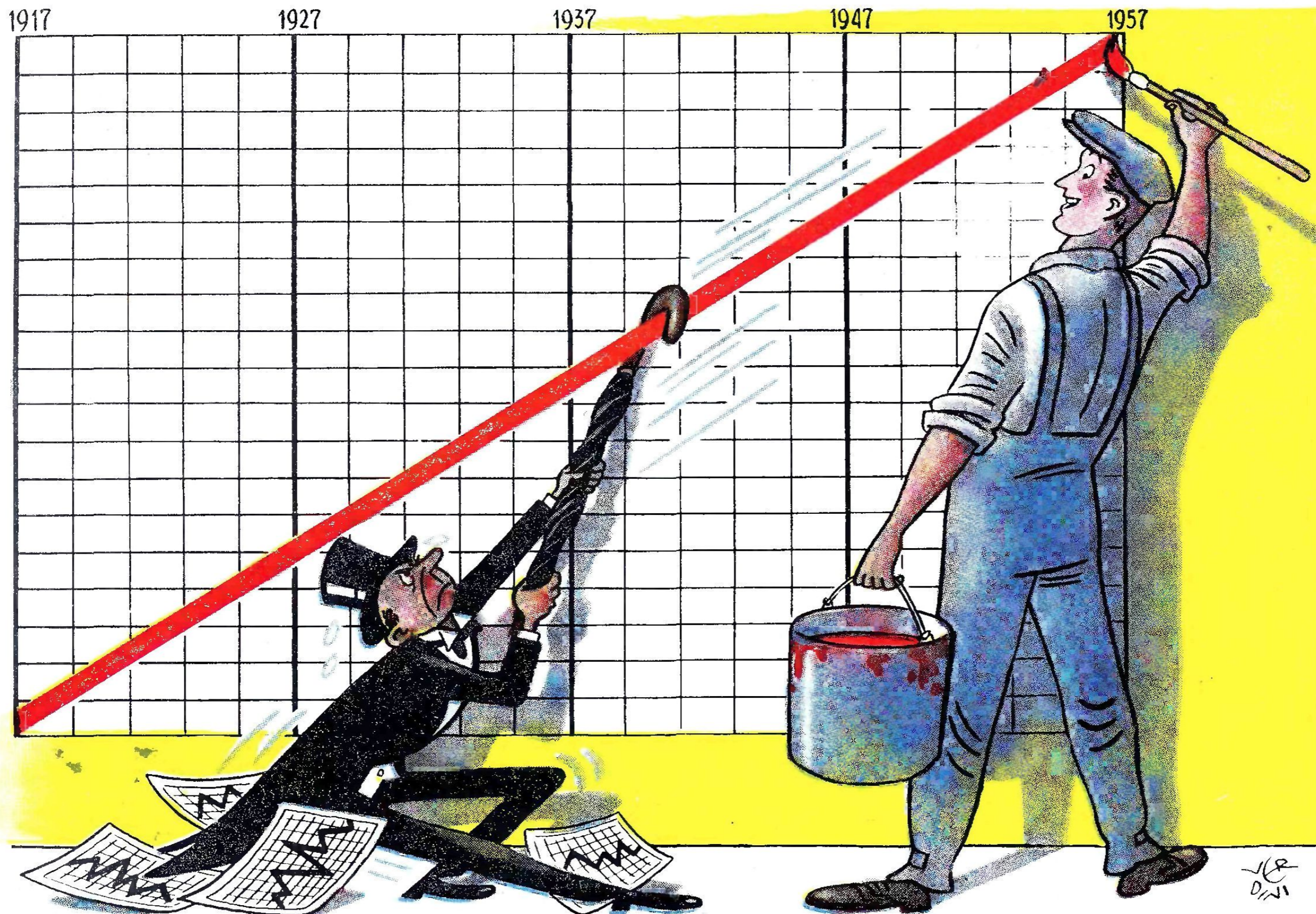
Шумят, грозятся и не понимают, что силы у них не те и времена другие.

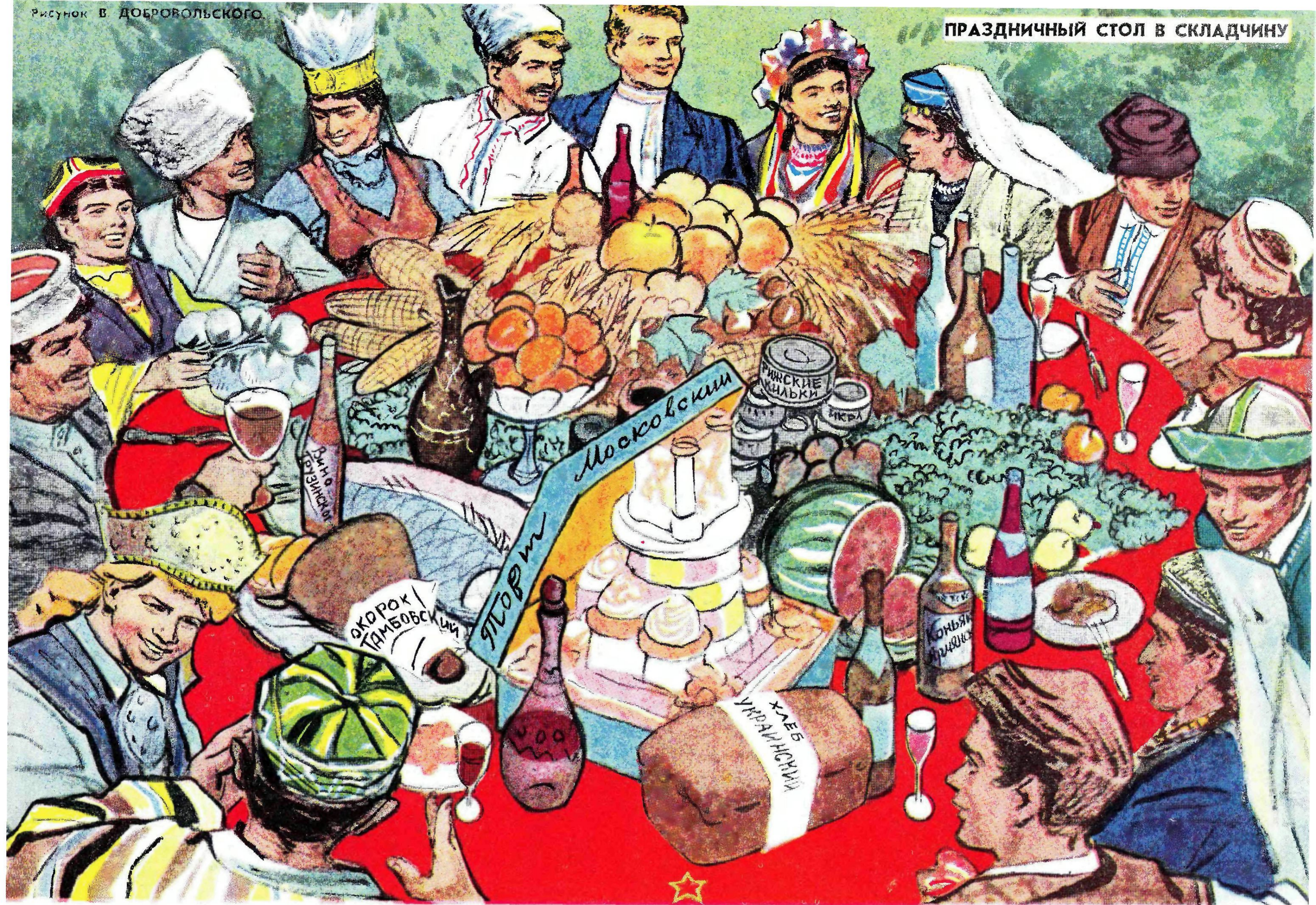
Никто не собирается лишать некоторых государственных мужей права на глупость, но злоупотреблять этим правом отнюдь не следует.

Мы вступаем в сорок первый год новой эры. Путь наш ясен и широк. Знамя у нас испытанное. Рулевые у нас верные. И нам светит новая, прекрасная звезда, созданная гением великого народа.

Рисунок Р. ВЕРДИНИ (Италия) для Крокодила.

ПУТЬ СОЦИАЛИЗМА.

И. П. ВАРГАНОВ,
участник штурма Зимнего дворца,
пенсионер.

НЕУДОБНАЯ МЕБЕЛЬ

Сидели ли вы на троне?

Мне довелось. Я провел некоторое время в кресле российских императоров и пришел к выводу, что трон — один из наиболее неудобных видов мебели.

Мое знакомство с этим важным предметом царского обихода произошло в октябре 1917 года. В ночь на 26 октября я во главе взвода вооруженных моряков принимал участие в штурме Зимнего. Вот мы уж перелезли через высоченную решетку центральных ворот и устремились ко дворцу. Когда я пробежал мимо поленицы, за которой прятались юнкера и истеричные девицы из «батальона смерти», кто-то огрел меня прикладом по голове. Это было весьма некстати. Я рухнул наземь и потерял сознание. Через несколько минут я очнулся и вместе со всеми бросился к дворцу.

Рассеченная голова сильно болела. «Где бы, — думаю, — поудобнее устроиться и прийти в себя?» Оглянулся. Вижу, стоит на возвышении какое-то кресло, обитое бордовым бархатом. Поднялся я по ступеням, сел в кресло, стараюсь утихомирить боль.

Начинают собираться вокруг меня матросы.

— Эй, ты, на троне! — кричит один.

— Чего? — спрашиваю.

— Как, не дует?

О ПРЕДСКАЗАТЕЛЯХ И ПРОРИЦАТЕЛЯХ (Опыт исторического исследования в 9 картинках)

Рисунки К. РОТОВА. Текст Леонида ЛЕНЧА.

Обычно буржуазные правительства кончают свое существование тем, что под давлением тех или иных политических обстоятельств сами подают в отставку.

Правительство присяжного поверенного русской буржуазии А. Ф. Керенского прекратило свое существование несколько иначе: не оно подало в отставку, а его поддали в отставку на вечные времена восставшие рабочие и крестьяне. Буквально на следующий день после этого события, то есть 26 октября (8 ноября) 1917 года, и начали свою деятельность прорицатели и предсказатели. Их было много, и они были разные.

— Ничего, терпимо.

— Смотри, не засидись там!

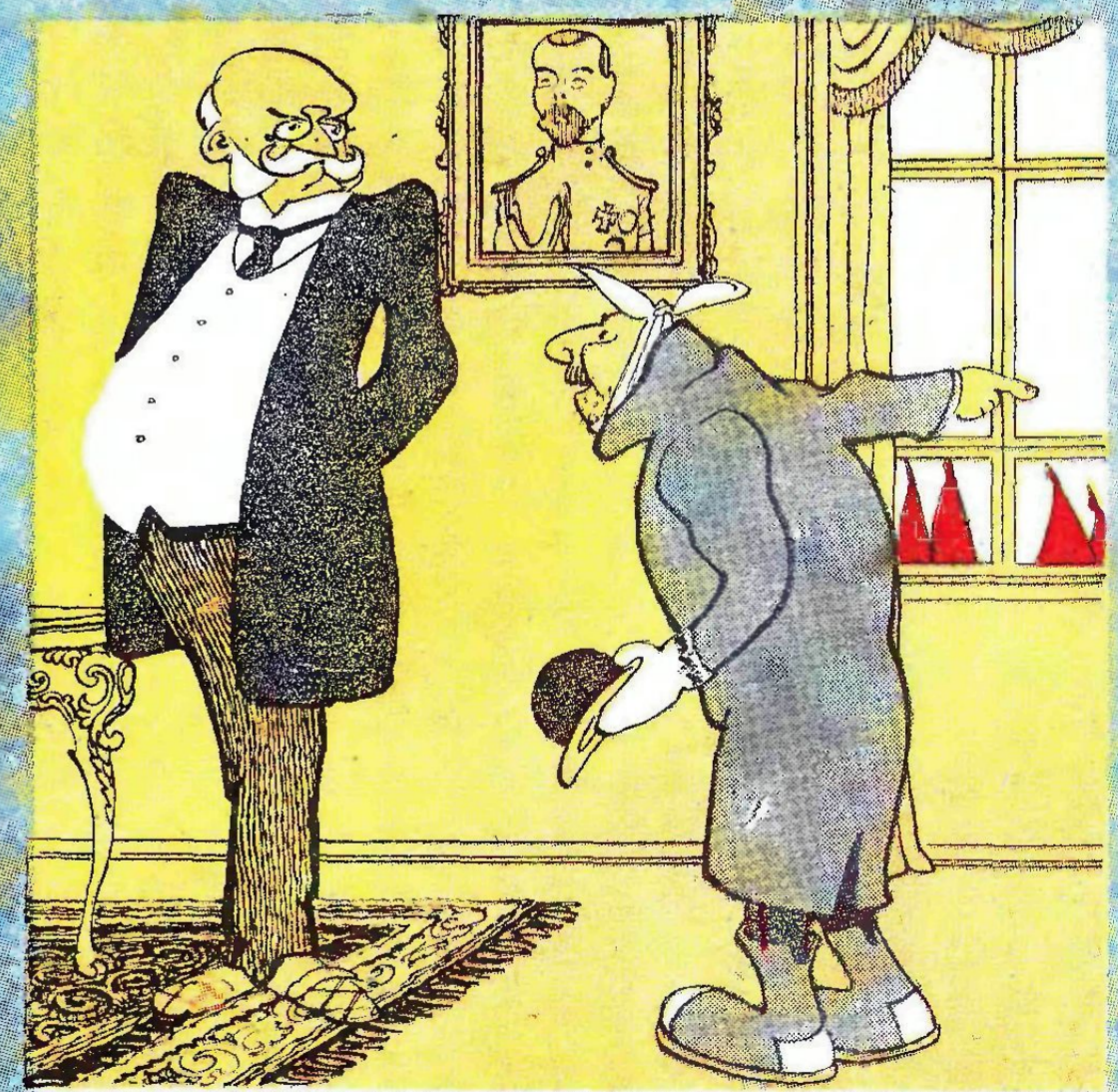
Что за чертовщина! Осмотрелся. Оказывается, я и впрямь на троне бывшего российского самодержца.

Тут пошли всякие матросские шуточки.

— Братишки, — сказал я, — в отличие от Николашки я не цепляюсь за трон. Милости просим, посидите!

И каждый матрос по очереди посидел на царской мебели. И представьте, она не слишком понравилась морячкам. Неудобная это штука — трон. Недаром царь с него слетел.

1. «И ДВУХ НЕДЕЛЬ НЕ ПРОДЕРЖАТСЯ!»

На картинке изображен пророк-прорицатель, типичный для первых дней Октябрьской революции. Это какое-то бывшее штатское «Ваше превосходительство». Февраль «Ваше превосходительство» встретило кисло, но, поскольку его оставили на месте с присвоенным ему месту окладом содержания, оно, превосходительство, «не возразило». После Октября превосходительство вытурили с места и лишили присвоенного оклада. Ему это не понравилось, и в порядке самоутешения оно стало пророчить неминуемый «крах большевиков».

— Не вешайте, батенька, нос на квинту! Разве могут управлять государством какие-то, извините, переплетчики и водопроводчики?! И двух недель не продержатся!..

Н. ЛАБКОВСКИЙ

Цепей все меньше на планете...

Октябрьская революция стала поворотным пунктом в развитии мирового освободительного движения, придала трудящимся всех стран новые силы и уверенность в их конечной победе, вызвала небывалый подъем национально-освободительного движения в колониальных и зависимых странах.

Весь шар земной — моря и степи,
На нивах хлеб, в горах металл —
Держал закованными в цепи
Международный капитал.

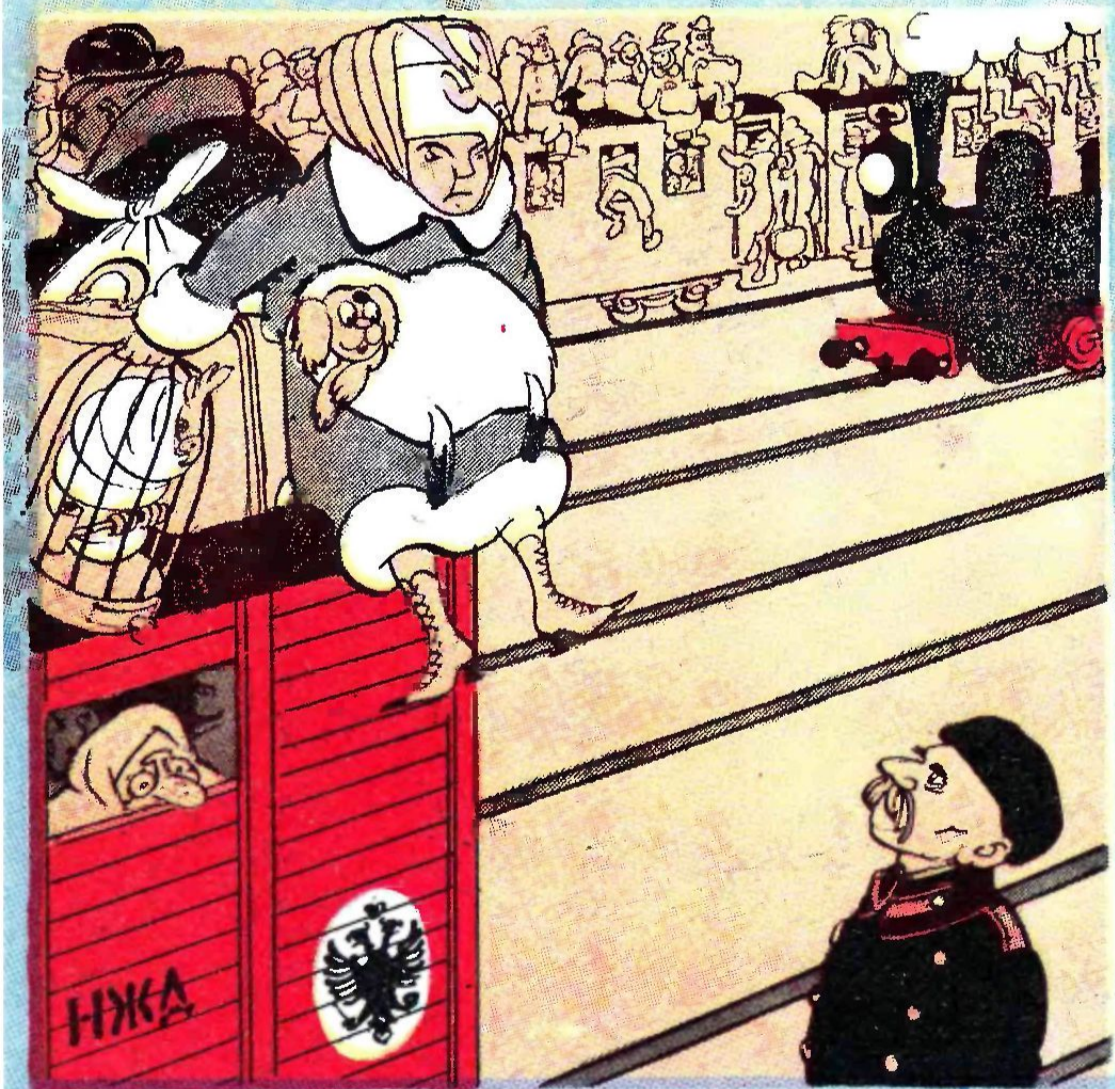
Покорно люди гнули выи,
Привыкши к рабскому труду...
Но цепи треснули. Впервые
У нас в семнадцатом году...

С тех пор прошло сорокалетье.
Капиталист теряет сон:
Цепей все меньше на планете,
Все больше радостных знамен.

СИМ ПОБЕДИНИИ!

2. «С ПЕРВЫМ ЖЕ ПОЕЗДОМ»

Прошло два года. Теперь главной резиденцией прорицателей, предсказателей и пророков стал белый юг. Отсюда генерал Антон Деникин, вооруженный и оснащенный тетей Антантой, попер походом на красную Москву. В его обозе следовали многочисленные прорицатели и пророки. Они пророчили торжественный въезд многоуважаемого Антоиа Ивановича на бело-снежном битюге в Кремль.

На картинке изображена некая мадам, собравшаяся в соответствии с вышеуказанными прорицаниями отправиться в Москву «с первым же поездом». У мадам все в порядке: супруг назначен в Кострому вице-губернатором, багаж погружен в теплушку.

Но что это? Все пророческие срони истекли, а звонка к отправлению не слышно. Н «нахал» кондуктор на тревожный вопрос мадам: «Когда же, голубчик, мы теперь прибудем в Москву?» — ответил: «Похоже, сударыня, что не мы в Москву, а Москва к нам прибудет. И очень скоро!»

Пятиверстный ручей с романтическим именем Шишига впадает в речку Боровку, медленно текущую по болотам. Боровка впадает в реку Вязьму. Вязьма впадает в Шошу, Шоша — в Волгу, Волга впадает в Каспийское море.

Ой, каб Волга-матушка да вспять побежала!

Кабы можно, братцы, начать жить сначала!

В 1917 году большие и малые реки народной судьбы устремлялись к Неве, к Петрограду, где кипел и пенился водоворот истории, северный свежий ветер достигал с Балтики до Шишиг и Боровок.

Красные банты в селе Беле-Архиерейском первыми нацепили на себя старшина Горьков с писарем Сгорпотоковым, мелкопоместный барин, укрывавшийся в своем тверском уединении от воинской повинности, лавочник Иван Иванович Мутохин.

Лавочник был толще писаря и барина, кумачовый отрез, украшавший его могучее туловище, удивлял волею размером и блеском.

Лавочник отпускал покупателям деготь и патоку, керосин, сметки, соль, касался тайи бывшего двора его величества, налегая на разоблачение интимных связей Алисы Романовой с мужиком Распутиным.

Барин сообщал о приезде в революционный Питер из царской ссылки бабушки русской революции Брешко-Брешковской, связывая с этой эсеровской иконой светлые надежды на торжество добродетели и справедливости.

Старшина и писарь распространением идей занимались мало. У них было дело по горло. Новая власть обрушила на волею новые заботы. Новая власть требовала, собственно, того же, что до нее неукоснительно предписывала старая царская власть.

Добирали последних, остававшихся дома по возрасту или недугам ратников третьего раз-

ряда. Гнали в город лошадей — отживающие свой век Холстомеры подвергались новому освидетельствованию на предмет годности для армейских нужд. Из лесосек в тот же город крестьянские одры, погоняемые солдаткой или «мужичком с ноготок», везли бревно. Ратники, лошади, лес нужны были Временному правительству, продолжавшему войну «до победного конца» и гнавшему поредевшие дивизии в новое кровопролитное наступление на тысячеверстном фронте.

Но большие и малые реки побежали вспять, ратники вступали в пререкания с писарем, молодые ребята не проявляли большой охоты записываться в батальоны смерти, возвращавшиеся с войны увечные и калеки отпускали злые и соленые остроты по поводу брюха Ивана Ивановича, осененного кумачом, и кричали на митингах дружное «Долой!» барину, очень хотевшему по инерции учить уму-разуму «младших братьев» в заносенных, обожженных, простреленных шинелишках.

И в ту пору были стилиаги. Было модой подражать Керенскому. Из города приезжали ораторы, одетые под премьер-министра. Китель серого сукна, ботинки на толстой подошве, краги, начищенные до зеркального блеска, серый картуз с высоким, заносчивым верхом и, конечно, галифе.

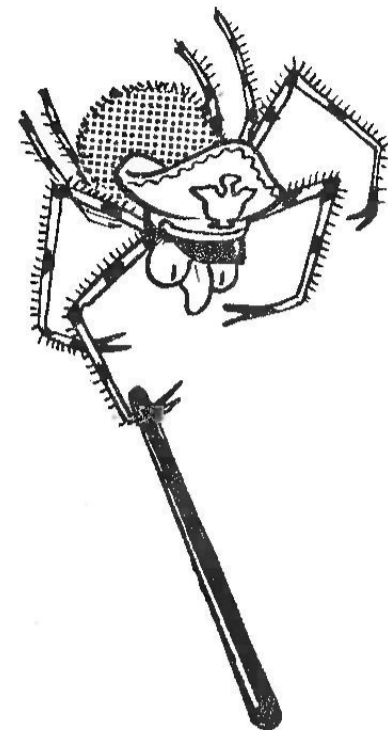
Оратор а ля Керенский называл себя то эсером, то эдеком, то трудовиком, то народным социалистом, то патриотом, то сверхпатриотом, то интеллигентным пролетарием, то анархистом, то стоящим выше всех классов и сословий, но борющимся изо всех сил за «правду-матку» и «кистину-справедливость».

Ораторов было много, слов было больше, чем воды в Шишиге и Шоше, галифе и краги волновали чувствительных поповских дочерей на выданье, старшина и писарь надрывали глотки, призывая массу слушать «товарищей представителей», масса же кричала:

— Долой войну!

О ЖАДНЫХ ПАУКАХ И «ЛАКОМЫХ КУСКАХ»

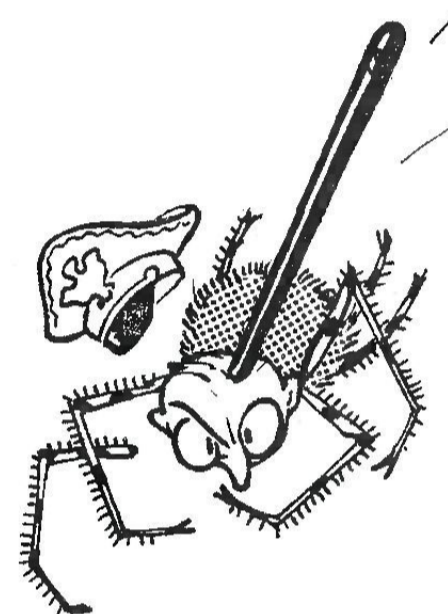
Комментируя события на Ближнем Востоке, американский журнал «Бизнес уик», являющийся рупором монополий, пишет: «Средиземное море остается лакомым куском, за который борются великие державы»... Вооруженные силы США готовы действовать «не рукой, затянутой в перчатку, а... большой палкой».

Голодной курице
Просо снится...
А что же видят
Во сне

пауки!
Рокфеллерам,
Как легко убедиться,
Снятся
Лакомые куски.
Снились в Корее.
Снились в Египте.
Ну, а теперь они
В Сирии снятся.
Чтоб утолить
Свои аппетиты,
Янки грозятся
За палку взяться...
Только напрасно
Они бахвалятся
И понапрасну
Грозят

в сердцах.
Милитаристы
Опять провалятся.
Ведь, как известно,
Любая палица
Не об одном —
О двух концах!..

— Даешь мир!
— Мир хижинам, война дворцам!
— Земля — народу!

И спрятался, ушел в свою родовую нору барин с его словами о бабушке русской революции. Революция представала перед деревней уже не в почтенном старушечьем чепце, пахнувшем народническим нафталином, людям хотелось видеть революцию в образе юной, здоровой, волевой, идущей вперед и выше героини...

И вот уже столкнулся с сельской трибуны эсера, эсдека, анархиста, беспартийного интеллигента большевик Саша Гальцев, побывавший в соленой купели Балтики и в революционных схватках на петроградских площадях, видевший и слышавший Ленина, принесший своим односельчанам закаленную в бурях века волю, великолепный русский размах, страстную ненависть к старому миру, неукротимое желание сломать этот старый мир. Был он свой в доску парень, говорил на языке своих земляков, добавляя к этому языку крепкий матросский словарь, ему верили больше, чем краснобаям и златоустам. Имя Ленина входило в крестьянскую память, ленинский зов, передаваемый балтийским морячком, глубоко проникал в деревенские низы.

Как скоро летели тогда дни, недели, месяцы на всем пространстве России, над ее городами и селами, над ее столицами и провинцией! Быстро линяли вчерашние красные революционеры, ходившие в февральские и мартовские дни по улицам и площадям с пением «Марсельезы». Лавочник был доволен тем, что ранней весной в губернском городе был гимназистами убит губернатор фон Бьюнтинг («Немчур!»), но тот же лавочник был оскорблен до глубины своей души тем, что увечные воины собирались пустить красного петуха на ближайшую дворянскую усадьбу, и, вняв, очевидно, совету капиталиста Рябушинского — задушить революцию голодом, — перестал отпускать деревенской бедноте керо-

син и соль, ссылаясь на то, что большевики вроде Сашки Гальцева ведут, дескать, матушку Русь ко всеобщей гибели, о чем, кстати, было предсказано еще Апокалипсисом.

Волостной старшина Горьков и примкнувший к нему писарь Сгорптоков были провалены на внеочередных выборах в местную управу. Они предстали перед честным миром как пособники деревенских толстосумов и мироедов, как винтики старорежимной машины. На их место пришли новые люди.

Летели события, революционные вихри шумели над деревней, одни люди падали, другие поднимались, за коротким северным летом пришла осень, пылал красный огонь рябины по лесам, поля покрылись новыми зелеными, ручьи и реки стали полноводней, и вот грянула уже ожидавшаяся весть о последнем решительном бое на берегах Невы, в Петрограде, затем в Москве, грянула весть о Великой Октябрьской победе, о торжестве революции. Грянула весть о первых ленинских декретах о земле и мире.

Пятиверстный ручей Шишига впадает в речку Боровку, Боровка впадает в Вязьму, Вязьма впадает в Шошу, Шоша — в Волгу, Волга впадает в Каспийское море.

Впрочем, это уже не совсем так. Река Шоша, например, впадает в Московское море. А из Московского моря в разлив вспять идет большая вода в устье Шоши, поднимая на себе грузовые и пассажирские пароходы там, где раньше курица могла пройти реку вброд. Великие перемены произошли на всем пространстве огромной Страны Советов. С каждым годом все течет и все изменяется на этом пространстве — в судьбах городов, селений, рек, полей, в человеческих судьбах. Неизменным же остается то, что было рождено в революционной буре, — пламенная народная вера в Советскую власть, искренняя и глубокая преданность великому и благородному ленинскому делу.

Сим победиши!

И. РЯБОВ

3. «МЫ ЕЩЕ ВЕРНЕМСЯ!»

Как известно, многие белые генералы под натиском Красной Армии удирали от нее по воде, ибо суши для бегства у них под ногами уже не оставалось. Водой бежали Деникин, Врангель, Миллер. По странной иронии судьбы водой не удалось убежать адмиралу Колчаку. Большим мастером бега был лихой адмирал, казалось бы, ему и «ноги в руни», а вот ведь не добежал до океана, «закруглился» в Иркутске, на суше.

На картинке изображен момент одного из многих белогвардейских побегов. Но даже и тогда, в панике и суете бегства, среди брошенных чемоданов и потерянных генеральских штанов, появлялись прорицатели и пророки и мрачно вещали:

— Ничего, не пройдет и года, как мы вернемся. И тогда уже! Покажем!
Вот он, такой прорицатель, стоит на переднем плане.

КАМЕРГЕРСКИЕ ШТАНЫ

Мне бы хотелось рассказать читателям «Крокодила» незамысловатую историю, приключившуюся с профессором В. в бурном 1919 году. Новеллист эпохи Возрождения назвал бы эту историю примерно так:

«О том, как одному профессору довелось получить штаны камергера и что из этого вышло».

Профессор В., мой коллега, крупнейший знаток античной скульптуры, остался без штанов. Точнее, они у него порядком износились. Ежедневно жена со скорбью взирала на прохудившуюся часть профессорского туалета и, вздыхая, говорила:

— Так дальше продолжаться не может. Должны же тебе наконец дать штаны.

— Ах, милочка, кому сейчас до моих штанов! — резонно ответил профессор.

И впрямь, на фоне величайших социальных катаклизмов туалетные неурядицы профессора как-то не слишком волновали общественность. Надо сказать, что в этом году мы, сотрудники Эрмитажа, сталкивались не только с проблемами гардероба. Ежемесячно перед нами вставала другая, более трудная задача: как получить зарплату? Дело в том, что в Эрмитаже не всегда имелись так называемые «бронезнаки». А без «бронезнаков» банк денег не выдавал.

И вот комиссар Зимнего дворца и музеев Петрограда (была в то время и такая должность) предложил однажды получить заработную плату натурой: бельем, верхней одеждой и т. п. Надо сказать, что в то время имелась специальная организация — Госфонд, занимавшаяся распродажей с аукциона вещей, принадлежавших царской фамилии. С молотка шли стулья, сервизы, ковры и другие предметы из Зимнего дворца, не имеющие исторической ценности.

Профессор почувствовал, что его час пробил.

— Мне ничего не надо, — сказал он. — Я был бы очень благодарен, если бы получил всего одну пару штанов.

— Заверните ему камергерские, — последовало приказание.

Когда профессор дома развернул сверток, его чуть не хватил удар. Перед ним лежали штаны легкомысленного кремового цвета, да еще с золотым лампасом.

— Кремовый цвет... это еще куда ни шло, — пролепетал профессор, — но этот ужасный лампас?!

На семейном совете было решено спорить золотые лампасы. Спорили, но, увы, след от них остался. Профессор всего один раз рискнул появиться в Эрмитаже в кремовых штанах. Потом он их снял и надел свои старые. Это был последний человек в России, носивший штаны камергера.

4. «НАЛЕЙ БОКАЛ, В НЕМ НЕТ ВИНА!»

Упрямые большевики так и не пожелали «неминуемо погибнуть», чтобы тем самым выручить опростоволосившихся белогвардейских прорицателей и предсказателей. Наоборот, они победоносно закончили гражданскую войну и начали борьбу с разрухой. Вскоре Ленин объявил новую экономическую политику. И тут снова оживились прорицатели и пророки.

— Вот теперь-то они обязательно, минуемо погибнут! — утверждал один прорицатель-непач.

— Это уж как пить дать! — вторил другой.

А третий, поднимая бокал, говорил, озираясь и хихикая:

— Вы слышали? Только тсс!.. Никому!.. Миллюнов в Париже сказал: «Пусть троцкисты пока расшатывают здание; когда оно рухнет, явится «третья сила». А кто эта «третья сила»? Мы!.. Только тсс!.. Никому!.. Налей бокал, в нем нет вина!.. Давайте выпьем за скорое... только тсс!.. Никому!..

И выпивали, и надеялись, и ждали...

ЗАЛП «АВРОРЫ».

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ!

Мы сидим у самого синего моря и смотрим на голубую волну, лениво набегающую на берег. Жаркое солнце Кубани шлет на Анапу ненормированные лучи. Неоглядный анапский пляж живет увлекательной жизнью. Верткие, как ящерицы, ребятки охотятся в парной воде за медузами и нырками. Фанатики загара, заклеив носы бумажками, недвижимо лежат на раскаленном песке. Префрансисты сидят на выгоревших топчанах за нескончаемой пулькой, подставив лысины тепловым ударам.

С моря дует влажный ласковый ветер.

— Вот благодать! — говорит мой сосед по топчану, дюжий пареньек. — В таком климате можно свободно 125 лет прожить.

— Климат сам по себе еще ничего не означает, — отзывается с лежака Никифор Григорьевич, представитель колхозного крестьянства в нашем пляжном коллективе. — Я был здесь в 1913 году, и климат мне несколько не понравился.

— Ты здесь, папаша, отдыхал? — спрашивает парень.

— Тю! Отдыхал! Ты что, дурной? Кто я, потрошному, был в тринадцатом году: помещик или фабрикант, чтобы по курортам разъезжать?

— А зачем же вы в Анапу приезжали?

— Работать. Своя земля не кормила, так я на чужую кинулся. На виноградники нанялся.

— Тоже непрылая работенка, — отозвался парень.

— А ты когда-нибудь на кулака работал? Вот он, нынешний молодняк, — оборачивается ко мне старик. — Ничего в жизни не видал, а туда же, с рассуждениями.

— Так я ничего и не видал, — улыбается парень.

— Ну какие у тебя, к примеру, переживания? Работы тебе искать не приходится. Тебя на работу афишками завлекают. Одиннадцать месяцев поработал, двенадцатый — отдых. Приезжаешь ты в санаторий, и здесь тебя поят, кормят и врачи за тобой табуном ходят. Не дай бог на тебя, бугая, муха заразная сядет. Не приведи господь, у тебя расстройство желудка получится. А мы не так жили...

— О-о, начинается агитация за Советскую власть, — сказал парень. — И что это за мода у пожилого поколения чуть что лекцию читать?

— Слыхали? Так и мой сын. Ну в точности.

Прихожу я домой и говорю: у меня нынче большое событие в жизни — дал мне колхоз путевку на отдых. А он говорит: какое это такое событие? В нашей МТС это — самое что ни есть обыкновенное дело...

— А что тут необыкновенного? — удивляется парень.

— Тьфу! — плюет старик. — Объясняй, не объясняй — все одно.

Никифор Григорьевич на мгновение умолкает. Потом раздевается, лезет в воду.

— Эх, и водичка хороша! — бормочет он полчаса спустя, усаживаясь на топчан.

— Значит, колхоз одобряет? — посмеивается парень.

— Одобрят, — подтверждает старик. — Дюже одобряют колхозники Анапу.

— А я что-то не видел здесь вашего брата, — сказал парень.

— А как ты заметишь? На пляжу, что в бане. На голой спине не написано.

— Ты, папаша, не обижайся, — снисходительно сказал парень, — только отстали ваши колхознички в этом вопросе. Не едут они на курорт. Боятся от своей худобы оторваться.

Никифор Григорьевич беззлобно посмотрел на парня и бросил:

— Вот дурной!

— Почему же я дурной?

— А потому, что Анапа уже сейчас колхозным курортом становится.

Парень только свистнул в ответ.

Я тоже подумал, что старик перехватил малость. Не замечал я здесь колхозных отпускников. Никифор Григорьевич недолго лежал на своем топчане. Он ушел, как мне показалось, обиженным и больше не появлялся на пляже. Увидели мы его лишь в конце следующего дня. Он сказал:

— Я насчет вчерашнего разговора. Хотите, я что-то вам покажу?

Мы оделись и пошли. Мы пошли через базар, где с возов и рундуков продавались орехи величиной с детский кулак, и виноград шасла белый, и розовый, и мускатный, и сладкая слива-терновка, и персики, покрытые шерстью, сотканной из солнца.

Никифор Григорьевич подвел нас к новой стройке.

— Вот полюбуйте, — сказал он. — Новостройка. А чья? Колхоза имени Кирова, Анапского района. А что он строит? Дом отдыха для личного пользования. И какой дом! Двадцать комнат! Столовая! Душевая! Пищеблок! Гараж! Миллион вкладывает!

— Ну что ж, дом отдыха так дом отдыха, — не унимался парень. — Но когда его еще построят? Нет, ты уж, папаша, покажи нам отдыхающих колхозников в натуре.

— Можно и в натуре, — ответил Никифор Григорьевич и повел нас по Черноморской улице.

Мы остановились у аккуратного особняка. «Добро пожаловать!» — прочли мы на транспаранте, под которым была прибита вывеска:

«ДОМ ОТДЫХА КОЛХОЗА «ПАМЯТЬ ИЛЬИЧА» ст. МАРЬЯНСКОЙ».

Навстречу нам вышел дед в соломенной шляпе, в сандалиях и вицветшей вишневой пижаме.

— Вы кто такие будете? — спросил дед.

— Люди, — ответил за всех Никифор Григорьевич.

— А по какому делу-надобности?

— Хотим побалакать с колхозниками.

— Нету у нас колхозников, — отрезал дед, — потоку нет...

— Какого потоку?

— Известно, какого — колхозного...

— Опять двадцать пять! — рассердился Никифор Григорьевич. — Ты толком разъясни!

— Объяснить хорошему человеку всегда можно, — ответил дед, который, видимо, сам был рад неожиданному собеседнику. — Значит, все у нас идет по потоку. Приезжает первый поток, отдохнул — геть до дому. Заместо него прибывает второй поток. И так за лето чуть ли не весь колхоз отдохнет.

Никифор Григорьевич торжественно посмотрел на парня.

А дед Ивченко продолжал неторопливо рассказывать о колхозе, о его пашнях и фермах, и о том, что правление купило этот дом за 96 тысяч, и содержит его колхозная касса взаимопомощи, и что теперь за этот дом дают 250 тысяч, но никто его не продаст, потому что марьянский колхозник уже привык отдыхать у моря.

Мы вышли на улицу, когда солнце спускалось за Высокий берег.

— А все же колхозников я не видел, — сказал парень.

— Так ты же в ихнем доме был. Тебе объяснили: один поток уехал, другой еще не приехал.

— А кто его знает, кто в поток попадает. Может, в этом самом доме начальство какое будет прохлаждаться.

— Ох, и настырный ты, парень! — сказал Никифор Григорьевич.

Мы пересекли сквер и остановились у нового особняка.

— Добро пожаловать! — произнес дед тем же хлебосольным тоном. — Дом отдыха колхоза имени Буденного, Пластуновского района.

Я вошел во двор. Парень, опасаясь насмешек деду, остался на улице. Я быстро перезнакомился с колхозными отпускниками. Они охотно рассказали, что летом здесь отдохнули 350 ребятшек и 150 колхозников. За время их пребывания в доме отдыха начисляются трудовые из расчета среднего заработка.

— Ну, а теперь как? — спросил дед.

— Сдаюсь, — смущенно ответил парень. — За мной бутылочка анапского и чебуреки.

Мы начали спускаться к набережной. Никифор Григорьевич молча ликовал. Вдруг он остановился и сказал:

— А не заглянуть ли нам опять к буденновцам?

— Что вы, Никифор Григорьевич, — сказал я, — неудобно как-то заходить к ним второй раз.

Никифор Григорьевич выразительно показал нам на вывеску, прибитую к парадному входу дома, подле которого мы стояли:

«ДОМ ОТДЫХА КОЛХОЗА ИМЕНИ БУДЕННОГО».

— Это что, филиал? — спросил я.

— Какой там филиал! Это другой колхоз, из Брюховецкого района.

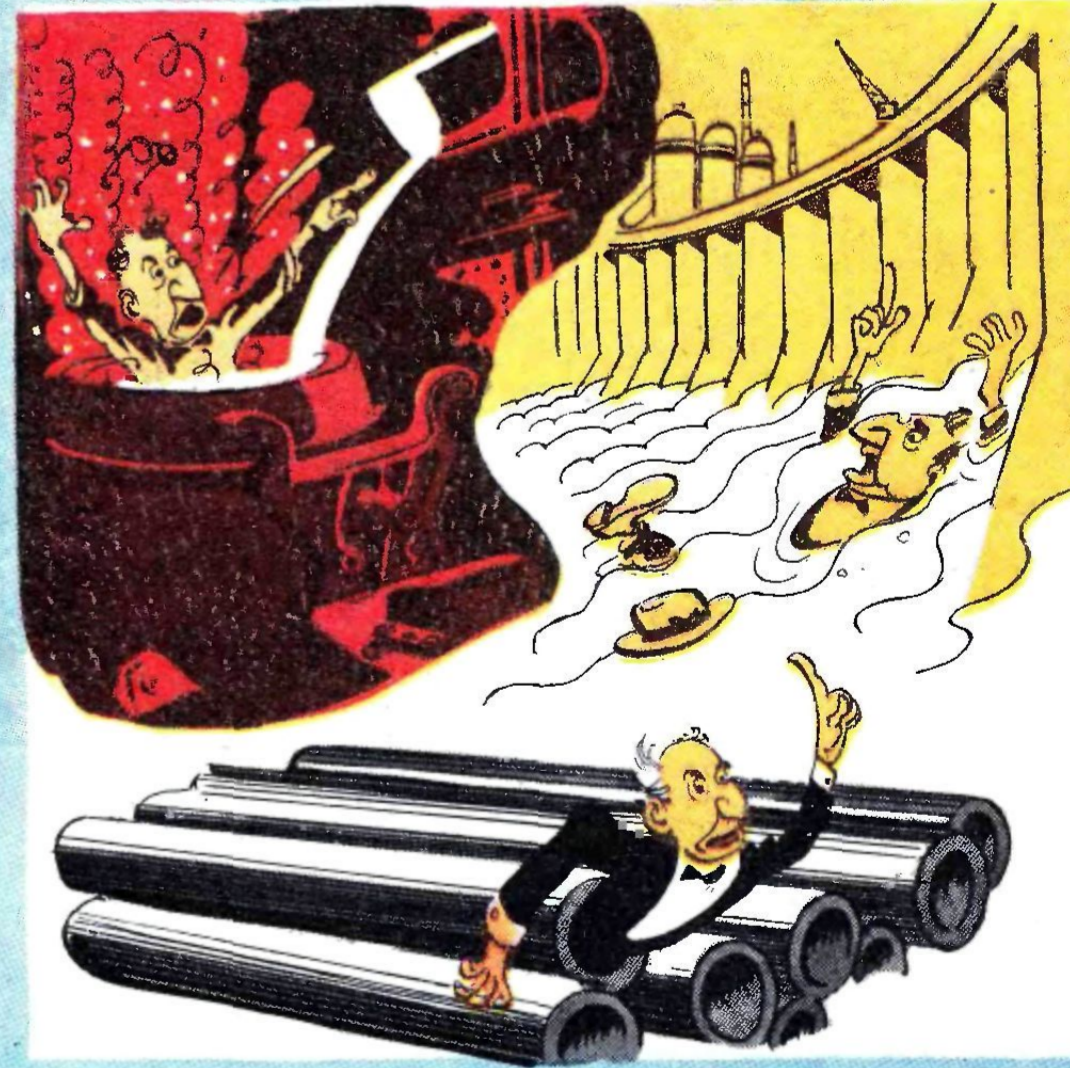
Я не буду детально описывать свою беседу с обитателями третьей по счету колхозной здравницы, скажу лишь, что они были весьма довольны своим отдыхом.

Мы попрощались с ними и вышли на улицу. Совсем рядом маяк открывал и закрывал свой рубиновый глаз. Я бы поступился против истины, если бы скрыл от читателей, что Никифор Григорьевич потребовал от парня обещанных чебуреков и вина. Мы съели их в тот же вечер, а первый наш тост был за город Анапу — курорт колхозный.

Анапа.

С. ПУШКОВ

5. СКВОЗЬ ОГОНЬ, ВОДУ И МЕДНЫЕ ТРУБЫ

Советская страна крепла и мужала. Мы строили новые заводы, фабрики, электростанции, а заграничные прорицатели и предсказатели визгливым хором верещали, трещали и вещали:

— Это что они там строят? Новую домну? Не выйдет, не задуют!

Домну задували, и в ее огне первым сгорал сам прорицатель. Но дальше получалось, как в известной песенке про девицу, которую «с 33-го этажа швыряли под мотор», а «поутру она вновь улыбалась».

«Поутру» прорицатель вновь верещал и вещал:

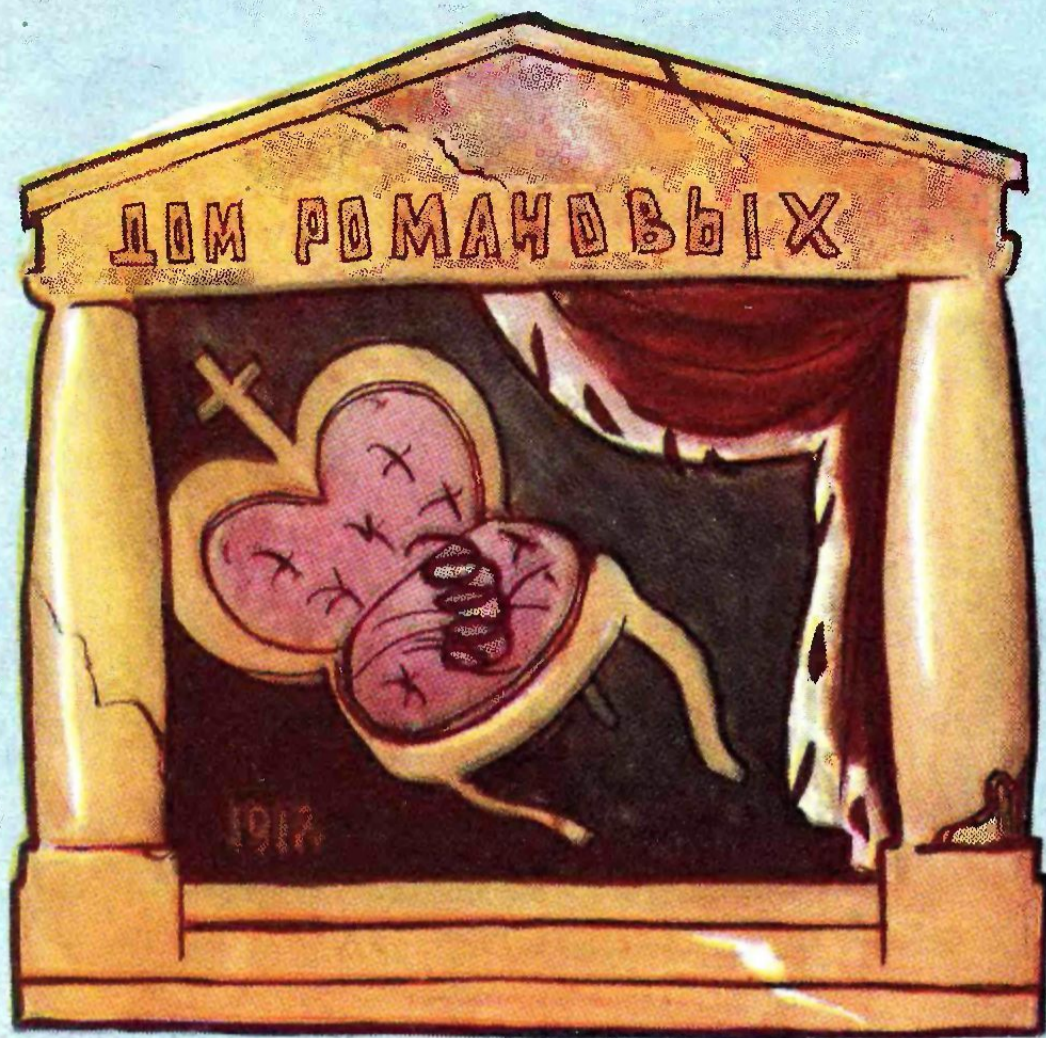
— А это что у них? Гидростанция? Не получится!

Гидростанция «получалась», и прорицатель тонул в воде ее плотины, чтобы «поутру» снова верещать, трещать и вещать:

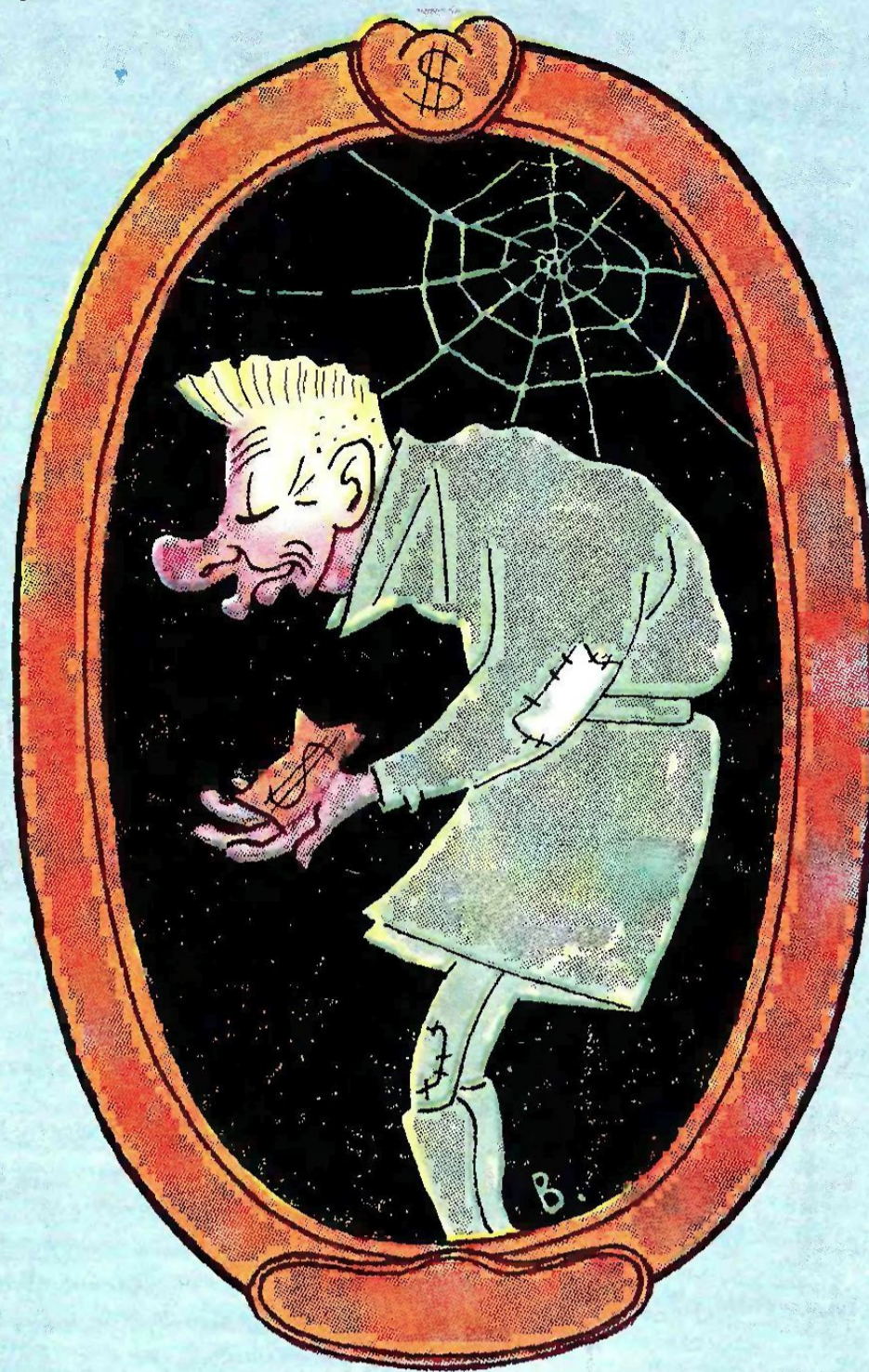
— Не выйдет! Не получится! Провалятся! Они жужжали, а мы строили. И построили!

Рисунок М. ВАЙСБОРДА.

Рисунок Е. ШУКАЕВА.

ДОМ РОМАНОВЫХ
(реставрации не подлежит)

А. Ф. КЕРЕНСКИЙ
(собственность Уолл-стрит)

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА.

ЗАРИСОВКИ НА БЕГУ

Достань, товарищ, свой словарь,
Большой словарь толковый.
В него вписали люди встарь
Столбцом за словом спово.

И встретишь ты, как старый спед,
Там те слова при чтеньи,
Которые за сорок лет
Утратили значенье.

Слова, которым в словаре
Мы депаем поправку.
Слова, которым в Октябре
Пришлось подать в отставку.

КАПИТАЛИСТ

Капиталистов нет у нас
И никогда не будет.
Но слово то рабочий класс
Вовеки не забудет.

Ковал подковы металлист,
Сапожник клал заплату,
Но получал капиталист
За их работу плату.

Капиталист.
За ним всегда,
Как тяжкие проклятья,
Шли
Голод,
Холод
И нужда —
Его родные братья.

Его костлявая рука
К себе все загребала.
И был похож на паука
Хозяин капитала.

Мы слово не бросаем зря,
Нам слов хороших жалко.
Но это слово с Октября
Гниет у нас на свалке.

ИНОРОДЕЦ

Якут, товарищ мой родной,
Мой равный брат и кровный!
Об этом слове стороной
Ты слышал безусловно.

СТАРЫЕ СЛОВА

Юрий ЯКОВЛЕВ

Ведь твой отец забыть не смог,
Что это слово было.
Оно петело, как певок,
Оно, как ппетка, било.

Бывало, скажут про народ:
«Какой-то там народец».
Бывало, гонят от ворот
За то, что инородец.

Народ с оружием в руке
На Зимний шел сурово,
Чтоб инородным в языке
Звучало это слово.

«МАЛЬЧИК»

Мальчик не бегае с мячиком,
И не смеется он весело.
Мальчик
Работает
«Мальчиком».
«Мальчик» —
Такая профессия.

Грязью забрызганный уличной,
Носится с вечной испариной:
На побегушках он в булочной
И на посылках у барина.

Или же он у кабатчика
С детством на кухне прощается.
Мапъчику
В должности
«Мальчика»
Мальчиком быть воспрещается.

Так было детство задавлено,
Так была каторга начата.
Строем советским отставлена
Эта профессия начисто.

БЕЗРАБОТНЫЙ

Встречаем часто и теперь
Мы слово
«Безработный»,
Что значит:
Выгнали за дверь,
И ты теперь свободный.

Свободен вечно голодать,
Свободен под забором спать.

Лишь за границей и сейчас
Оно звучит сурово,
А ведь когда-то и у нас
Звучало это слово,

Когда у заводских ворот
Работы требовал народ.

ФОНАРЩИК

Ты помнишь фонарщика,
Старый фонарь,
К тебе приходил
Вечерами он встарь

С огнем и с твоею ровесницей —
С такою же старою
лестницей!

Будил он тебя,
Как товарища,
— Пора за работу,
Фонарище!

Пока обойдет он
Свои фонари,
Зажжется на небе
Полоска зари.

Справляется с этой работой
Отлично
Теперь «Мосэнерго» —
Фонарщик столичный.

Он скажет турбине:
— Ваше величество,
Пошлите моим фонарям
Электричество!

И ток, выполняя свое
обязательство,
Москву превращает
В наше сиятельство.

СТАРЬЕВЩИК

«Шурум-бурум!
Старье берьем!..» —
Так пел старьевщик издавна.
К жилью рабочих за старьем
С мешком шагал он из дому.

Несут ему за медный грош,
Чтобы спастись от голода,
Обноски шапок и галош
И самоваров «золото».

«Шурум-бурум!
Старье берьем!..»
Тяжеп мешок с обносками.
Но поросли давно быльем
Старьевщики московские.

А как появится старье,
Его сдают в «Утиль-сырье».

НОЧЛЕЖКА

Сырая ночлежка —
Промозглое дно.
Глубоким и темным
Было оно.

Здесь спали вповалку
На досках немых,
Здесь горько ругали
Одетых и сытых.

Едва человек
Переступит порог,
Отсюда дороги
Лишь в гроб да в острог.

Рисунок И. ОФФЕНГЕНДЕНА.

НА ЗАДВОРКАХ
(частное собрание)

Рисунок М. УШАЦА и К. НЕВЛЕРА.

«ФЮРЕР»
(копия, оригинал уничтожен)

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО.

БИТАЯ ДИЧЬ
(натюрморт)

Эмиль КРОТКИЙ

БЫВШИЕ, да слывши

(Эпиграммы и эпитафии)

АДМИРАЛ КОЛЧАК

Рассказ о «рейсе» прост по сути:
Моряк, морской покинув путь,
Он на сибирском сухопутьи
Все ж умудрился утонуть.

БАРОН ВРАНГЕЛЬ

Он умер в Сербии, у ног чужого трона...
Своя фантазия у каждого барона!

ГЕНЕРАЛ ЮДЕНИЧ

И его допустим в стих
(Никуда не денешь!):
Был он бит в числе других,
Генерал Юденич.

ГЕНЕРАЛ КОРНИЛОВ

Он, молясь у Иверских ворот,
Вовлекал творца в переворот.
Но его от питерских ворот
«Попросипи» сделать поворот.

АТАМАН СЕМЕНОВ

Не выкинешь слова из быпи:
И этого, помнится, били!

«ГЕТМАН» СКОРОПАДСКИЙ

Рядясь в одежду давних дней,
Мечтал о гетманской он славе...
«Но где же гетман! Где злодей!» —
Как Пушкин спрашивал в «Полтаве».

ГЕНЕРАЛ ДЕНИКИН

В мечтах въезжал в Москву...
Но не прошел сей номер!
Конь под Орлом издох,
Седок в Нью-Йорке помер.

ГЕНЕРАЛ КРАСНОВ

Ва-банк пошедший генерал.
Шел с пик (с казацких). Проиграл!

В ЛАВКЕ ДРЕВНОСТЕЙ

— Могу предложить кое-что из Зимнего.

Рисунок Е. ГОРОХОВА.

Третье поколение

Едва лишь я провел бритвой по верхней губе, как из детсада вернулся Вова и, не сбрасывая пальто, подбежал ко мне.

— Папа, расскажи, как ты в тюрьмах сидел!

Я широко раскрыл от удивления рот.

— Я никогда не сидел в тюрьме! Что за глупости?!

— Не сидел?.. — разочарованно протянул Вова.

— Не сидел, — подтвердил я.

— И тебя никогда не эс... плутировали?

— Нет, никто никогда меня не эксплуатировал.

По Вовину лицу было видно, что мой родительский авторитет тает, как сахар в стакане чая. Вова делает последнюю попытку реабилитировать меня. Он спрашивает тихим, безнадежным голосом:

— И царя ты не сбрасывал?

— Не приходилось, — вздыхаю я.

Вова тоже тяжело вздыхает и говорит, махнув рукой:

— Эх, какой же ты папа! А нам Мария Семеновна рассказывала сегодня о том, как наши отцы и старшие братья в тюрьмах сидели, революцию делали, царя сбрасывали. Если бы у меня был старший брат, я бы все расспросил у него, а так приходится у тебя...

А-а! Мне все ясно. Милая Мария Семеновна! Да она же еще двадцать пять лет назад рассказывала мне, как мой отец и старшие мои братья (которых у меня, кстати, никогда не было) страдали в тюрьмах и наконец сбросили царя. И я с такими же вопросами бегал к отцу и страшно завидовал своим несуществующим старшим братьям. Прошло много лет, повзростали дети, в детский сад приходили дети бывших детей, а Мария Семеновна, совсем не замечая, как течет время, ежегодно повторяла детям свои рассказы о Великой Октябрьской революции.

И мне теперь очень понятны душевное состояние Вовы и его разочарование. Какое ему дело до того, что я родился ровно десять лет спустя после революции? Чтобы не разочаровывать Вову еще больше, я отослал его к дедушке.

Дедушка в соседней комнате читает газету. Я слышу, как Вова подходит к нему и задает ему аналогичные вопросы:

— Дедушка, а ты царя сбрасывал?

— Не пришлось. Без меня сбросили, — отвечает дедушка.

Вова от досады чуть не плачет. Какие неинтересные у него отец и дед!

— А тебя эс... плутировали? — спрашивает он, не веря в то, что услышит положительный ответ.

— Это было. Эксплуатировали.

— Кто? — загорается Вова, и в вопросе его звучит уважение.

— Кулаки.

— Кулаки? — восторженно переспрашивает Вова. Как-никак, он разговаривает с человеком, который видел живых кулаков.

— Кулаки, Вовочка. Я ведь у них скотину пас. За миску борща и за рваные сапоги.

О-о! Об этом следует расспросить более подробно. Вова садится дедушке на колени, и тот рассказывает ему о своем тяжелом детстве. Но Вове этого мало. Ему хочется, чтобы его дед и в тюрьме сидел и царя сбрасывал. Но выясняется: деду во время революции было всего тринадцать лет... Правда, дедушка воевал с фашистами, и в этом у него было преимущество перед отцом, но сейчас Вову интересует, как сбросили царя.

— А с чего его сбросили?

— С трона.

— А что такое трон?

— Трон? Трон... ну, как тебе объяснить? Трон — это такой стул. На нем сидел царь.

— А в чем он ходил?

— Ну, на голове у него была корона...

— Это шапка такая?

— На шапку она, конечно, мало похожа... В руках он держал скипетр...

— Какой скипет?

— Это... ну, это такая царская палка...

— И он ею всех бил, — на лету продолжает Вова дедушкину мысль.

— Нет...

— Не бил? — удивляется Вова. — А он же был плохой. — Потом умолкает и, хитро посмотрев на дедушку, добавляет: — Ты не знаешь, ты тогда сам был маленький. Он бил! Царь дрался, иначе зачем ему тогда нужен был этот скипидар...

— Скипетр, — поправляет дед.

— Ну, скипет. Все одно бил. Всех бил. А наши пришли — бах-бах!..

Через минуту Вовин голос звенит уже на кухне:

— Мама, мама, знаешь, а нашего дедушку эс...э-к-с-п-л-у-т-и-р-в-а-л-и! — точно радостную весть, сообщает он маме, по букве произнося незнакомое слово. — Кулаки. И царь... Знаешь, царь сидел на таком высоком стуле. Трон называется. На голове у него, знаешь что было? Думаешь, шапка? Ага? Корона! А в руках он держал такую большую палку. Скип... скипер. И бил ею всех. А тогда революция началась...

Дальше крылья Вовиной фантазии начинают расти и шириться, и он уже летит на них, не останавливаясь.

Перевел с украинского Е. ВЕСЕНИН.

Экономическое чудо

Многих американцев глубоко тревожат симптомы экономического кризиса, или, как его именуют некоторые печатные органы, «спада». Но если бы все жители США внимательно читали газету «Нью-Йорк таймс», они смотрели бы на дело иначе. Тревога ложная. Кризисы вовсе не неизбежны в капиталистическом обществе.

Оказывается, с некоторых пор на территории Соединенных Штатов действует новый экономический закон, который позволяет уклониться от зловещей встречи с кризисом. Причем, как пишет «Нью-Йорк таймс», этот закон «никому не нужно было изобретать или насильственно претворять его в жизнь».

Что же это за чудо, произрастающее на американской почве и открытое нью-йоркскими журналистами?

Газета сообщает, что за последние десять лет число рабочих в США увеличилось всего на три процента, в то время как количество маклеров, торговцев, банкиров, работников

государственного аппарата и прочих людей, занятых, по выражению «Нью-Йорк таймс», в сфере «обслуживания», возросло на 21 процент. Из этого следует вполне радужный вывод: «Современный американский капитализм... нашел лучший способ: он восполняет спад с помощью обслуживающих областей».

Вот как все хорошо и просто! Главное, чтобы росло число тунеядцев! Чем больше их в обществе, тем ближе общество к процветанию.

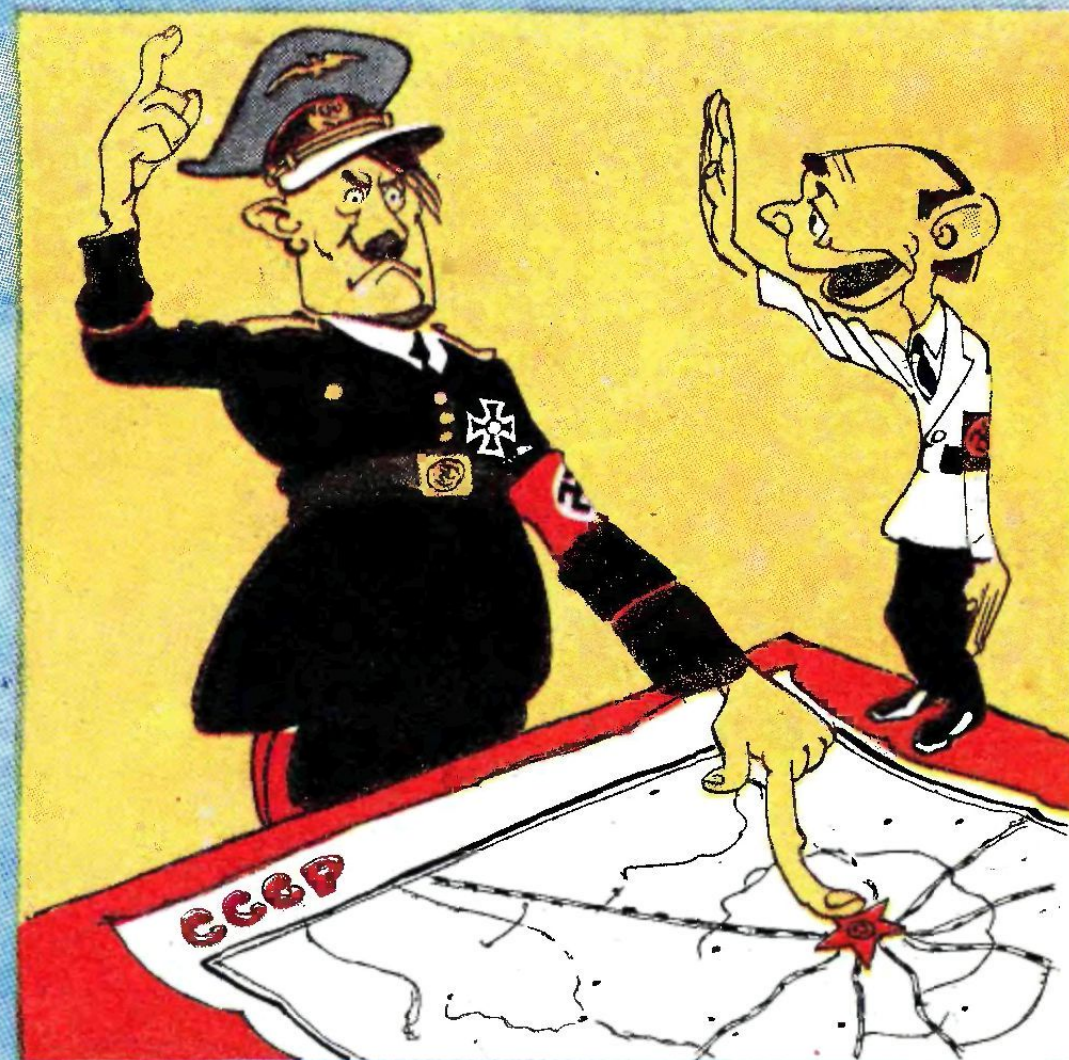
Статья в «Нью-Йорк таймс» не осталась без откликов. Как стало известно, редакция получила, в частности, такое письмо: «Поскольку ни на один завод меня не берут, — пишет читатель, — я хочу повысить процент людей, занятых в «обслуживающих областях». Не устройте ли вы меня в госдепартамент? Меня и еще несколько миллионов американцев, у которых нет работы и ни доллара в кармане...»

Ответа почему-то не последовало.

Бор. ЕГОРОВ

6. СБЫЛОСЬ, НО НЕ СОВСЕМ ТАКИ

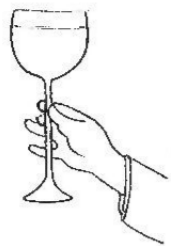
Во время Великой Отечественной войны с гитлеровской Германией наблюдался расцвет деятельности прорицателей и предсказателей всех видов и жанров.

Но, конечно, больше всех старались сам Гитлер и руководитель его ведомства пророчества, прорицаний и общенмперской брехни д-р Геббельс.

Гитлер и Геббельс объявили на весь мир, что в самом ближайшем будущем знамена фашистской Германии будут развеваются в Москве.

Надо отдать им должное: это их пророчество сбылось. Правда, оно сбылось не совсем так. На историческом параде в честь победы над гитлеровской Германией, когда советские солдаты проходили по Красной площади церемониальным маршем, они швыряли захваченные в боях фашистские знамена к подножию Ленинского мавзолея. Так что знамена фашистской Германии хотя и не развевались, но все же попали в Москву. Что было, то было!

Мимоходом

Поднимем бокалы за новых спутников Земли и за старых добрых спутников на земле!

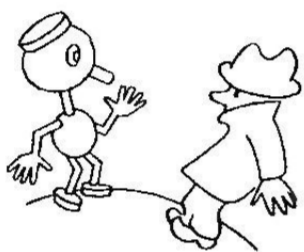

— Представьте, мистер Бомбинг, только что мы видели бэби-луну невооруженным глазом!

— Почему невооруженным?!

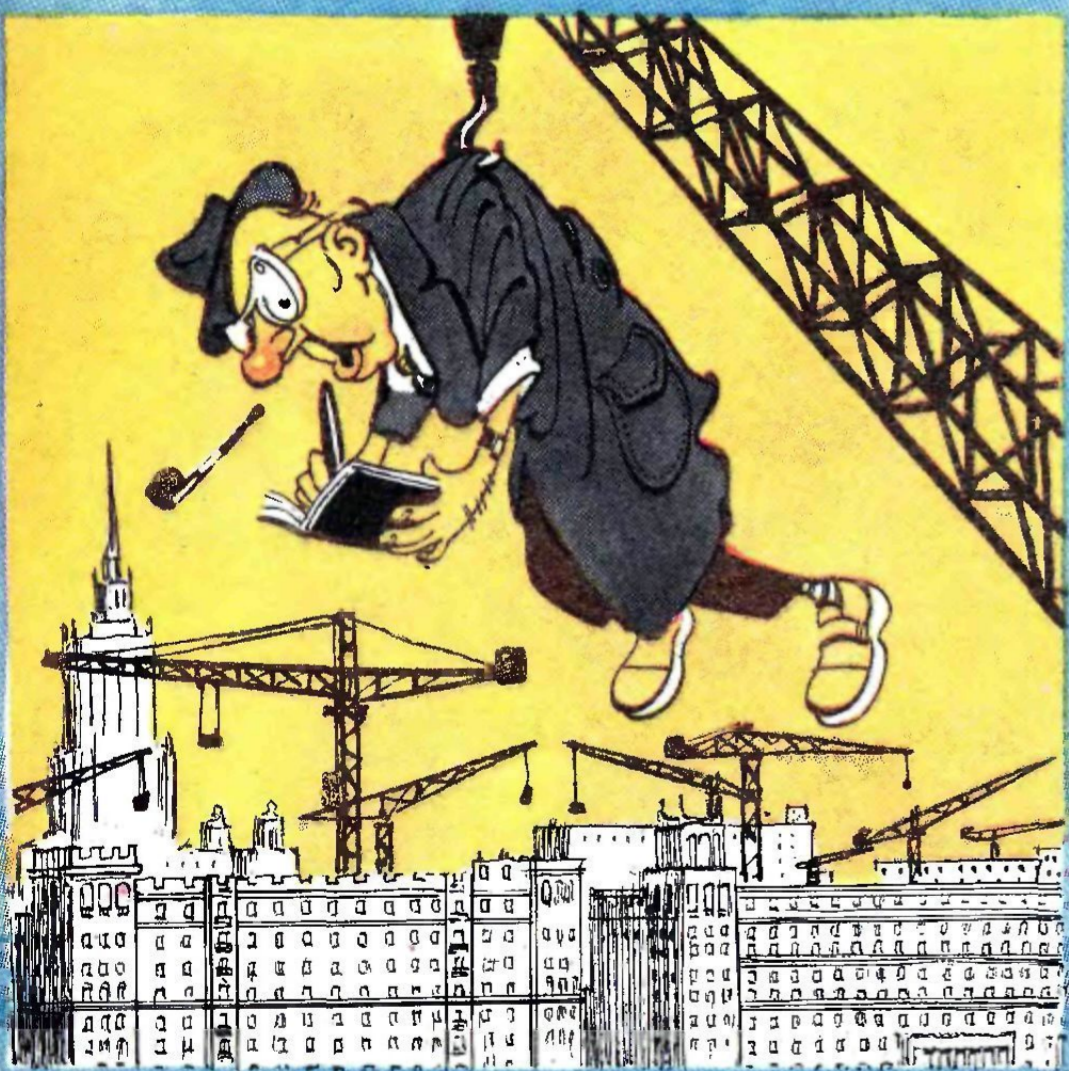
Сколько искренней радости породил на земле наш искусственный спутник Земли!

В недалеком будущем:
— Ты что, с луны свалился?
— Ага! А это Земля!

Л. МИТНИЦКИЙ

7. В ТОЙ ЖЕ ПОЗИЦИИ

— Ба, да это наш старый знакомый! — воскликнет читатель, увидев фигурку прорицателя, усевшегося на стрелу подъемного крана. — Это же из тех, что когда-то жужжали: «Не выйдет! Не получится! Провалится!»
Совершенно верно! Только это прорицатель эпохи нашего послевоенного восстановления. А позиция у него та же. И тонкий комариный голосок такой же. И бессильная злость та же.
— Не выйдет! Не получится! Провалится!
Вышло. Получилось. Провалились... только не мы, а зарубежные прорицатели!

Рисунок У Юнь-цзо (Китай) для Крокодила.

ПРЯМОЕ ПОПАДАНИЕ

А. СТОВРАЦКИЙ

Поспешили — насмешили

Американцы окрестили свой еще не построенный спутник Земли «Авангардом».

Еще ребенок этот не рожден,
Но имя экстренно менять придется:
Теперь уже не «Авангардом» он,
А... «Арьергардом» назовется!

«Не пущать!»

Шведская газета «Моргонбладет» призывает к запрещению запуска спутников Земли.

«Принять немедленные меры!»
Но как! Вопрос не так-то прост:
В каких слоях ионосферы
Поставить полицейский пост!

КОГДА ВРЕМЯ ЛЕТИТ...

(Отрывок из стенограммы закрытого совещания, состоявшегося на днях в одном бело-голубом доме. Точное местонахождение дома не было указано по соображениям безопасности.)

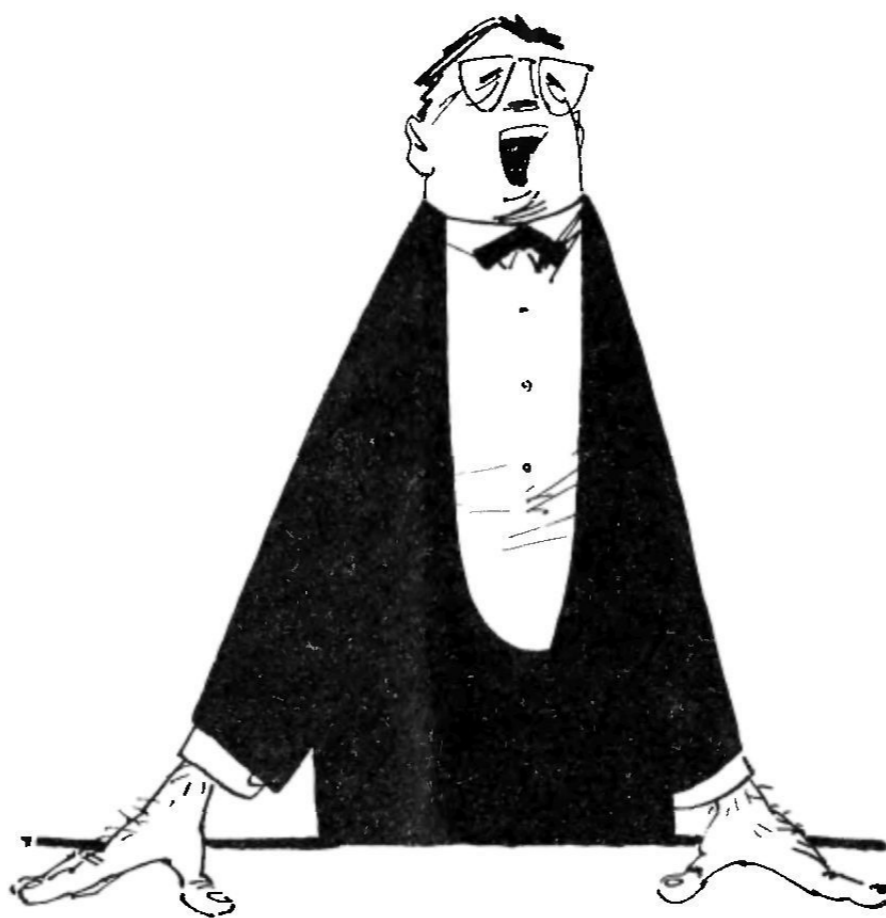
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Господа, мы собрались, чтобы совместно решить вопрос, имеющий в настоящий момент жизненно важное значение не только для наших Штатов, но и для всего свободного мира. Я говорю о проблеме Времени. Дело в том, господа, что Время работает против нас. Оно опережает все наши программы, детальные расчеты и скрупулезно составленные планы. Оно ставит нас перед совершившимися фактами. Короче говоря, Время является нашим врагом номер один. Время играет на руку коммунистам. Заметьте, господа, на сценах коммунистических театров давно уже идет пьеса под многозначительным названием «Время, вперед!»...

ГОЛОСА. Ближе к делу!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Коммунисты во всем мире празднуют в эти дни сорокалетие Советской власти. Уже сорок лет, господа. Время остается верным себе, оно не хочет поменяться. вспомните, сколько наших планов за эти десятилетия осталось на бумаге, сколько наших надежд не сбылось, какие возможности были упущены! Короче, я призываю вас поразмыслить над вопросом, каким образом воздействовать на Время, чтобы заставить его следовать нашему политическому курсу. Слово имеет представитель государственного департамента Фалленс.

ФАЛЛЕНС. Наш уважаемый председатель бесконечно прав, господа, предъявляя Времени столь суровые и столь справедливые обвинения. Мы не можем больше мириться с деятельностью этого субъекта и оставлять безнаказанными его происки, подрывающие всю нашу политику. Мы должны произвести мучительный пересмотр наших взаимоотношений со Временем. Наш департамент предлагает немедленно направить временно поверенному в делах Времени ноту протеста. Заметьте, господа, что в целях маскировки Время пытается выступить под личиной нейтралитета, а нейтралитет, по моему мнению, является аморальным. Итак, мы предъявляем Времени обвинение в аморальности и под угрозой разрыва дипломатических отношений требуем изменения его коварной политики.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Неплохо. Однако, мне кажется, мы не можем ограничиваться дипломатическими каналами. Положение слишком серьезно. Кто еще имеет предложения?

ГЕНЕРАЛ ПЕНТ А. ГОН. Позвольте мне. Наше ведомство придерживается того мнения, что с нашими врагами не имеет смысла церемониться. Мы предлагаем в ультимативной форме заявить Времени, что если оно не присоединится ко всем нашим блокам, мы будем действовать с позиции силы. Лучшее средство задержать Время и повернуть его вспять — это бомбы.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. К сожалению, недавний пример с одним каналом этого не подтверждает, не говоря уже о других примерах. Как вы конкретно намерены действовать, если Время отвергнет ваш ультиматум?

ГЕНЕРАЛ ПЕНТ А. ГОН. Обходным маневром с флангов и решающим ударом на главном направлении оттеснить противника на исходный рубеж.

ГОЛОСА. Это что значит, к Рождеству Христову? Или к Навуходносору? Или к каменному веку?

ГЕНЕРАЛ ПЕНТ А. ГОН. Смотря по тому, как пройдет операция.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Благодарю вас. Слово имеет представитель деловых кругов мистер Твистер.

МИСТЕР ТВИСТЕР. Я надеюсь, никто из присутствующих не забывает о той могучей силе, которая поддерживает свободный мир в эту эпоху тягчайших испытаний. Я имею в виду наш денежный знак. Господа, я полагаю, что инициатива, проявляемая Временем столь пагубным для нас образом, есть не что иное, как обычная частная инициатива. А если так, Время должно распо-

лагать акциями на бирже. Мы могли бы, господа, купить и само Время, дабы распорядиться им по нашему собственному усмотрению (движение в зале). Это было бы, леди и джентльмены, самым внушительным доказательством всеокрушающей силы нашего бизнеса.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Как вы намерены это осуществить?

МИСТЕР ТВИСТЕР. Следует устроить международный аукцион. Кто больше даст, тот и получит Время. Организационную сторону наша компания охотно может взять на себя.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Это — очень ценное предложение! Я вижу в нем воплощение традиций нашего свободного предпринимательства. Кто еще просит слово? Прошу вас, мистер Брат.

БРАТ. Здесь говорили о том, как купить Время. Наше бюро расследований располагает средствами, предназначенными специально для такого рода закупок. Вы, надеюсь, представляете себе, какие суммы нам приходится выплачивать свидетелям, участвующим в процессах над коммунистами. Но проблема в том, как поймать Время. Ибо, господа, в нашей великой картотеке, где, как вам известно, хранятся отпечатки пальцев почти полтора миллиона наших граждан, до сих пор нет отпечатков пальцев мистера Тайма — так мы называем Время. По нашим данным, мистер Тайм действительно является активным пособником коммунистов и Советского Союза, но никаких сведений о нем мы, к сожалению, не имеем. Ни адреса, ни номера телефона, ни родственников — ничего! Этого, разумеется, крайне мало для того, чтобы возбудить процесс против указанного подрывного элемента.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. А что можно сделать?

БРАТ. Не так давно была реформирована система разведки наших так называемых «союзных» стран. Отныне все разведывательные службы подчиняются объединенному командованию. А это командование... Я думаю, нет надобности дальше пояснять... Короче говоря, мы надеемся, что буквально в ближайшее время Время будет обнаружено.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я удовлетворен. Теперь мы можем перейти к следующему вопросу: каким образом повернуть Время вспять, если нам удастся?..

ГОЛОСА. Уже поздно! Пора кончать!
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Совещание должно быть продолжено, господа. Время не ждет!..

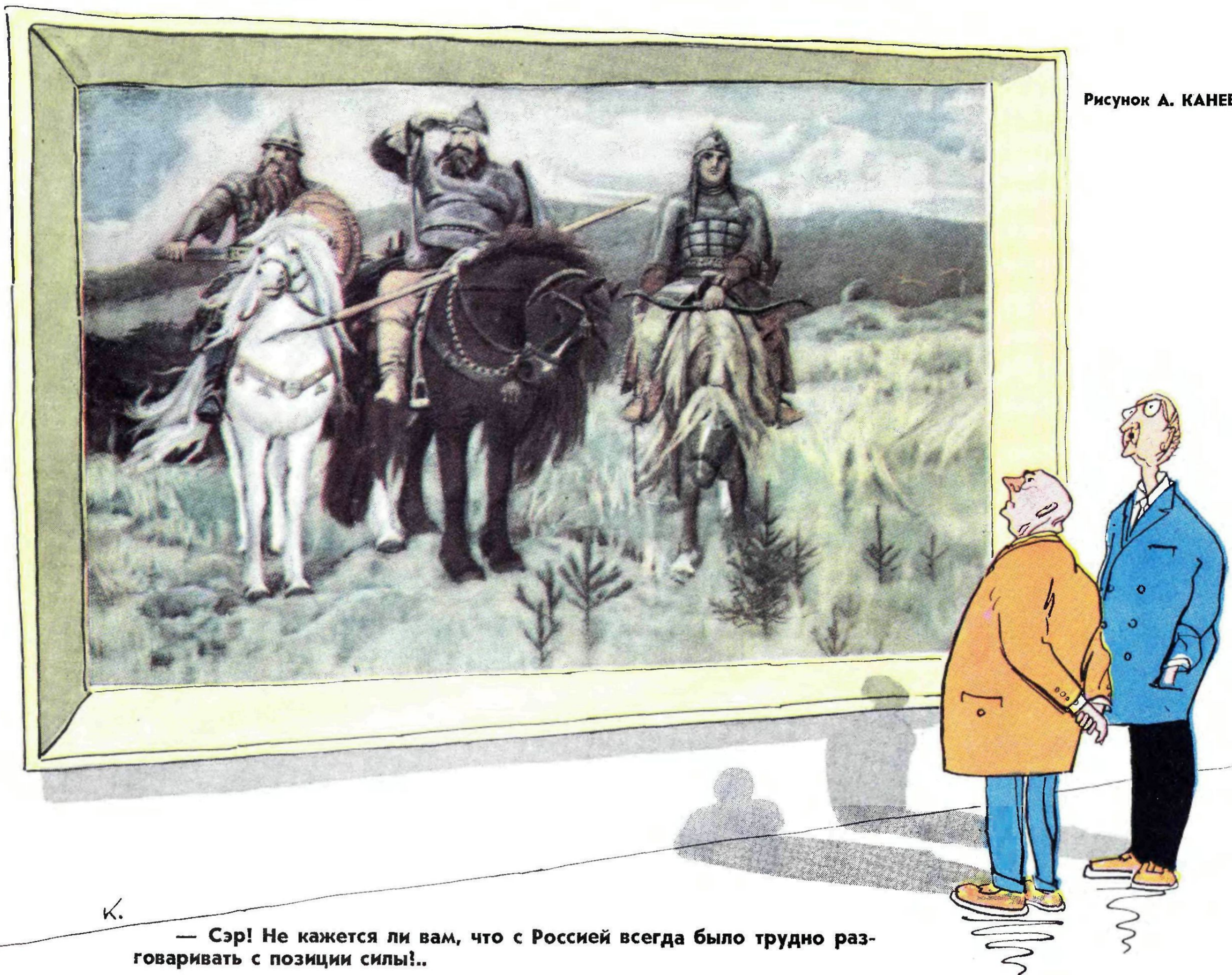
Стенограмму расшифровал
В. АЛЕКСАНДРОВ.

Рисунок Ю. ГАНФА.

НА ст. «БЕЗНАДЕЖНАЯ»

— Я собрался в свое имение под Ригой.
— А я — на свою фабрику под Тулой.

К.

— Сэр! Не кажется ли вам, что с Россией всегда было трудно разговаривать с позиции силы!..

Фриц БЕРНГАРД

Его последняя воля

(Из завещания барона фон Шлейма)

Дорогой сын!

Когда глаза мои закроются навеки и ты предашь земле бранные останки своего отца в фамильном склепе фон Шлеймов, постоянно помни одну мою заповедь: четыре раза в день возноси молитвы всевышнему о том, чтобы потомки нашего рода дожили до воссоединения Германии.

Помолись, если ты, по обычаю древних германцев, ночь напролет веселишь душу искристым вином или развлекаешься охотой на одном из наших западногерманских угодий!

Помолись, если ты возбужденно следишь за шариком рулетки в Монте-Карло или бороздишь воды океана на нашей яхте! Помолись четыре раза!

В первой молитве проси всевышнего о том, чтобы он приблизил день твоего воссоедине-

ния с четырьмя нашими родовыми именами на Востоке. Ты ведь знаешь, что сейчас на нашей земле хозяйничает чернь, объединившаяся в сельскохозяйственный кооператив. Так пускай же господь покарает плебеев и воссоединит тебя с их машинами, инвентарем, скотом и другой живностью!

Во второй молитве проси о воссоединении нашего рода с четырьмя старинными замками, отобранными у нас в те времена, когда мы решили перебраться на свободный Запад. Ты ведь знаешь, что эти полуразвалившиеся замки сейчас восстановлены и ничтожные пролетарии оборудовали в них великолепные клубы с прекрасными телевизорами. Пусть же господь воссоединит тебя не только с замками, но и с телевизорами!

В третьей молитве проси о воссоединении рода фон Шлеймов с бывшими батраками, конюхами и лакеями, которые теперь вынуждены трудиться в качестве свободных крестьян.

В четвертой молитве проси о том, чтобы в освобожденной Восточной зоне господь-бог воссоединил нашего канцлера с любимым фюрером Адольфом Гитлером, рейхсмаршалом Германом Герингом и министром пропаганды доктором Геббельсом. А то, что эти трое живы, до сих пор находятся в России и должны быть незамедлительно репатрированы, наш федеральный канцлер докажет и самому господу-богу. Аминь!

Твой отец барон фон Шлейм.

Постскриптум. Сын мой, сохрани тебя бог от того, чтобы это завещание попало в руки ничтожных плебеев. Ведь они утверждают, будто воссоединение возможно и необходимо, но без нашего участия. Какая наглость!

Перевел с немецкого
В. БОЕВ.

8. ВСТРЕЧА «НА ВЫСОКОМ УРОВНЕ»

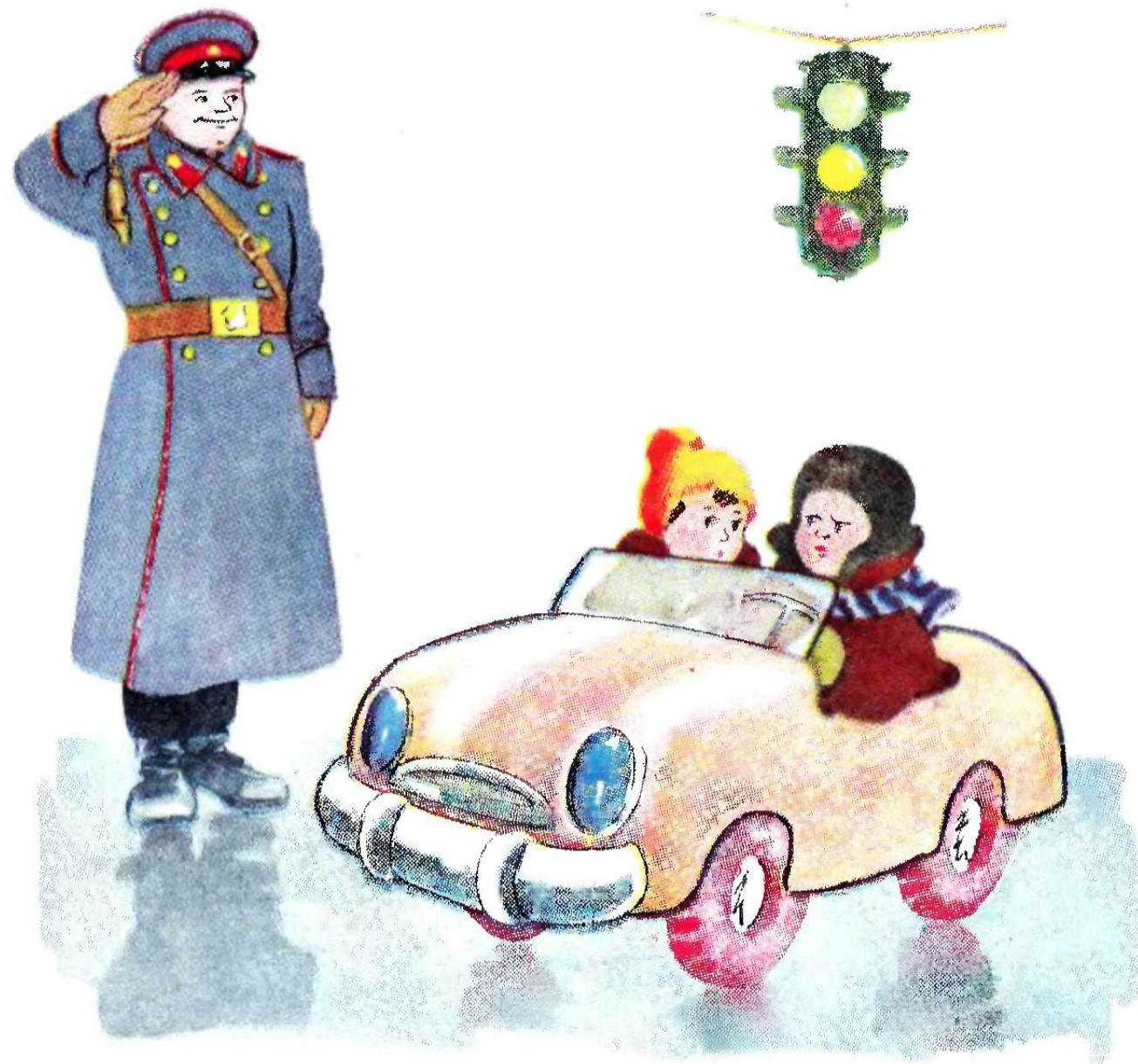
На этой картинке изображена состоявшаяся недавно встреча «на высоком уровне».

В небе встретились советская «маленькая луна» и американские антисоветские газетные утки. Как известно, утки эти долго крякали, прорицая:

— Не выйдет ничего у русских с баллистическими снарядами. Кря! Кря!.. А уж про спутника Земли и говорить нечего! Кря! Кря!.. Не тот у них технический уровень!.. Кря! Кря!..

А русские сначала запустили баллистическую ракету, а потом искусственный спутник Земли. Вот он летит, а от него шарахаются глупые, напуганные этой встречей кряквы американской пропаганды.

Как говорится, каждый запускает то, что может: одни — спутника, другие — утку!

— Вы сделали неправильный поворот, предъявите ваши права!

Рисунок Е. ГОРОХОВА.

ПОЛУТОРАТЫСЯЧНИК

Главный редактор — С. А. ШВЕЦОВ.

Редакционная коллегия: И. В. КОСТЮКОВ [зам. главного редактора], А. Н. ВАСИЛЬЕВ, Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ, КУКРЫНИКСЫ [М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ], С. Д. НАРИНЬЯНИ, И. А. РЯБОВ, И. М. СЕМЕНОВ, Л. С. СОБОЛЕВ.

Изд-во «Правда». Адрес редакции: Москва, Д-47, 1-я улнца Ямского поля, 28. Тел. Д 3-31-37. Прием ежедневно (кроме воскресных дней) с 13 до 17 часов. А 10006. Изд. № 1136. Подписано к печати 19/X 1957 г. Формат бум. 70×108½. Заказ № 2734. Тираж 1 000 000 экз. 1 бум. л.— 2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва. ул. «Правды», 24.

Из сатирической тетради

К МОЕМУ ПОРТРЕТУ

Я не молод. По портрету ж
Я сошел бы за юнца.
Вот пример, как может ретушь
Изменить черты лица.

ТЕАТРУ КУКОЛ С. В. ОБРАЗЦОВА

Театров множество в Москве
Для взрослых и юнцов.
Но лучший — тот, где во главе
Товарищ Образцов.

Неприхотлив актерский штат:
Сундук — его приют.
Актеры эти не едят,
А главное — не пьют!

РИНЕ ЗЕЛеноЙ

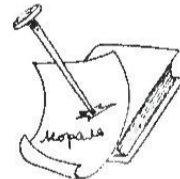
Пожелаю вам и впредь
Так же пышно зеленеть!

ВЕЛИКИЙ НЕМОЙ

Давненько критика молчит
О нашей детской книжке.
— О детях,— критик говорит,—
Я знаю понаслышке.
Я,— говорит,— не педагог,
Детей я изучить не мог,
А мне нужна конкретность...

С такого критика налог
Берите за бездетность!

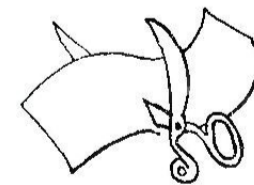
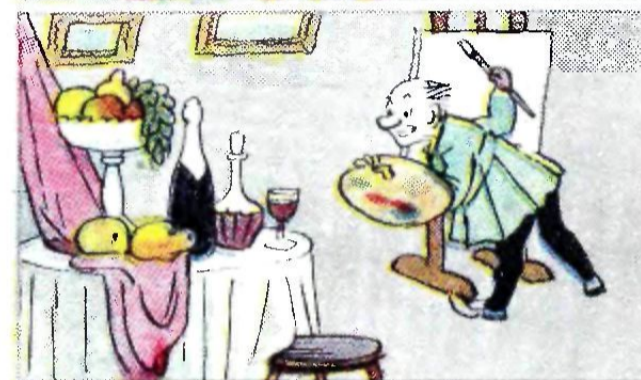

О ГВОЗДЯХ

Мы с вами книги детские
читали,
Пробитые насквозь гвоздем
морали.
От этих дидактических
гвоздей
Нередко сохнут книжки для
детей.

Мораль нужна, но прибивать
не надо
Ее гвоздем к живым деревьям
сада,
К живым страницам детских
повестей.
Мораль нужна. Но никаких
гвоздей!

МУКИ ТВОРЧЕСТВА

ДОРОГОМУ ПОРТНОМУ

Привет, разбойник и злодей!
Ну, как вы поживаете?
Вы раздеваете людей,
Когда их одеваете.

ПОВРЕДИЛСЯ...

(Тяжелый случай с деятелем Пентагона)

Рисунок Бор. ЕФИМОВА.

— Это началось, доктор, в тот день, когда он услышал о запуске русскими искусственного спутника.